

КНИГИ МАРЫ ВЕРЕСЕНЬ:

1. Некромантия. Практическое пособие
2. Некромантия. Задачи и упражнения
- 3. Время вороньих песен**
4. Осколки тени и света
5. Некромантия. Повышение квалификации
6. Ненависть и свет между нами
7. Крылья пепла

Мара Вересень

ВРЕМЯ ВОРОНЬИХ ПЕСЕН

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-312.9
ББК 84-4(2Рос=Рус)
В31

Вересень, М.

В31 Время вороньих песен / М. Вересень. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 396 с. — (Некромант и Я).

ISBN 978-5-521-90289-7

Меня зовут Малена Арденн, мне двадцать четыре, и я вдова. А ещё меня подозревают в убийстве мужа. По завещанию мне досталась лавка со всякой всячиной в городе, в двух комнатах над которой я теперь живу. До суда, пока идет следствие. Надзирающий офицер может прийти в любое время, и я обязана открыть. Я теперь никто. У меня почти нет на себя прав. И самое главное — я не из этого мира.

BIC FM
BISAC FIC027030

ISBN 978-5-521-90289-7

© Мара Вересень, текст, 2023
© Nina Neangel, обложка, 2023
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ГЛАВА I

О ТАЙНОМ И ЯВНОМ

*В женщине должна быть какая-то загадка,
но это не точно.*

1.1

Ветер пробирал до костей. Руки в тонких, вытертых от долгой носки перчатках мерзли, вуаль липла к губам. Смазать подсохшую, норовившую лопнуть кожу смесью масла и меда казалось хорошей идеей, пока я не вышла из дома.

Двадцать минут по раскисшей глинистой дороге. Ботинки промокли, подол черного суконного платья обметался рыжей грязью, поднимай не поднимай. Особенно после того, как пришлось толкать застрявшую в вымоине телегу с гробом. Ботинки было жалче платья. Они единственные и сохнуть им дольше, чем я буду спать. Ночи здесь какие-то слишком короткие, зато сумерки, что вечерние, что утренние, тянутся, как густой кисель.

Это «здесь» называется Кронен, не то большое село, не то поселок в двух часах пешком от Нодлута. С четыре де-

сютка домов, две улицы попереk тракта, ведущего к городу. Гостиница, несколько лавок, рынoчек, три таверны. Самая приличная та, что при гостинице. Там хотя бы не развлекают. Что и чем — покойный господин Арденн не уточнял, но регулярно оставлял в заведении часть денег, которые стоило бы пустить на починку крыши. Крыша протекала в левом крыле дома, а не у Огаста. Хотя, наверное, у него тоже. Иначе как вышло, что он, обнищавший землевладелец средней руки, вдруг оказался втянут в темную историю.

Огаста нашла Бальца, наша кухарка, экономка, служанка, птичница... Она вообще была дама универсальная и отличалась монументальной статью. Я рядом с ней смотрелась сущей мышью. Орчанки все такие. Не знаю, что ее удерживало в нашем доме, Огаст перестал ей платить год назад, когда с деньгами стало совсем туго и мы перебивались с картошки на капусту. Тогда и крыша потекла. Это я так думаю. Может все раньше случилось. Со мной Огаст дел не обсуждал. Жена, тем более такая ущербная, как я, не бог весть какая важная особа в доме, кухарка и то важнее.

Из ущербного во мне была хромая нога и упертый характер. Про характер Огаст сказал. Я считала иначе, но мнением не делилась. Толку? Однако моего характера хватило, чтобы отвоевать у ныне покойного мужа пятнадцать чаров, чтобы рассчитать ушедшую от нас горничную, и еще пять чаров сверху за нервы. За это я была названа жалостливой стервой — интересное сочетание — и наказана невниманием. Невнимание выражалось отсутствием дежурного «доброго утра» за завтраком и «доброй ночи»

после ужина. Собственно, эти две фразы обычно и составляли наше ежедневное общение.

Как женщина я Огаста не интересовала, в Кронене он за волокитством замечен не был, иногда ездил в Нодлут. Может, там у него кто-то и был, но я не видела разницы между Огастом до поездки и Огастом после. Вообще не понимаю, зачем ему нужно было жениться. Особенно на мне. С учетом ноги и характера. Из приданого за девицей Двирен была только репутация, сундук с нехитрым скарбом и пособие «королевской невесты». Сейчас даже репутации не осталось. Зато есть лавка в Нодлуте — свадебный подарок покойной матушки покойного супруга. Лично мне. Прогрессивная дама была, по-моему мнению. Не помню о ней почти ничего, кроме жутко душных духов, гигантского капора и веера из черных перьев, из-за которого только нос торчал.

О памяти говоря. Несмотря на возраст не слишком серьезный — двадцать четыре всего, — в этой памяти хватало лакун и провалов. Так, я почти не помню детских лет. Девичество и родителей, умерших рано, — пунктирно. И время до замужества тоже. Как будто карточная колода, где половины не хватает, а часть вообще из гадальных затесалось. В общем, в голове картошка с капустой. Или каша. Вот как та, что под ногами хлюпает. И в ботинках уже сыро и гадко, а до дома еще минут десять идти. Собственно, это уже и не мой дом.

Отвлекалась. Я же про Огаста хотела. От него всегда отвлекаться легко было, так как он из себя мало что представлял. По его лицу взгляд скользил, не цепляясь. Даже нос, который у всех хоть как-то да выдается, у господина Ар-

денна был совершенно невыдающийся. Подбородок вяловатый, глаза блеклые, невыразительные, и лоб так себе. Волосы покойный супруг носил коротко, средние, потом длинно, если жаль денег было на парикмахера.

Денег вообще часто не было. На парикмахера, на починку кареты, на дрова и треклятую крышу, из-за которой пришлось закрыть половину верхнего этажа, где располагались комнаты прислуги. Но слуг у нас, кроме Бальцы и приходящей два раза в неделю для помощи в уборке молчаливой женщины, все равно не водилось. Неподходящая у нас в доме атмосфера для слуг была, нервная. Да и платили раз от раза, и с каждым новым разом — все меньше.

В колене щелкнуло, я пошатнулась и угодила другой ногой в лужу. Грязная жижа плеснула, оставляя по берегам ледяную крошку, и хлынула под шнуровку, несмотря на максимально быстрое отступление. Нogu будто кипятком обдало. Вот тьма...

Как бы не заболеть... Уже познабливает, а в доме регулярно топится только печка в кухне и иногда камин внизу. Бальца приносила мне горячий камень, завернутый в рожджу, чтобы постель греть, но к утру все равно делалось холодно. Благо ночи тут короткие. Ах да, я уже говорила. Так что простуду мы лечили сами, как могли.

Любимый постулат местных целителей, из доступных кошелечку, был: вкривь и вкось, лишь бы срослось, а не срастется — так обойдется. Мою ногу, видно, когда-то по тому же принципу лечили, ладно хоть первым вариантом ограничилось. Хороша бы я была вообще без ноги. А то, что предмет на трех опорах самый устойчивый, так это только

к табуреткам применимо или к некромантам. Я-то к ним никакого отношения не имела, а покойный супруг, оказывается, очень даже. Я про некромантов, к табуреткам все так или иначе как-то относятся. А такой никакой господин был... Ни за что не скажешь, что у него подобные связи имелись.

1.2

Перед главным входом гордо, но уже незаслуженно носившим звание парадного, стояли две внушительного вида подводы. К слову, не первые. Из дома быстро и аккуратно выносили вещи и так же быстро и аккуратно на эти подводы укладывали. Я даже залюбовалась, насколько слаженно и оперативно выполнялась работа. Еще бы вещи были не мои, вернее, наши с Огастом, вообще красота.

Тягловые ящерки стояли как замороженные, только моргали одновременно. Мне все равно заняться нечем было, вот я и наблюдала. Я бы, конечно, с удовольствием в дом пошла, но пузатый, с узорчатыми серебряными медальонами шифоньер, матушки Огаста любимец, очень затейливо встрял поперек двери по диагонали — и ни в какую. Точно так же и с такой же грацией, как покойная мадам Арденн в общество вписывалась. Видимо, поэтому она ко мне своей загадочной душой и прикипела. Считала, что таким геометрически не подходящим к социуму дамам надо рядом держаться, несмотря на выпирающие углы. Да и грации особой во мне не водилось, даже если хромоту в расчет не брать.

Вот я и ждала скромно в сторонке, пока работники с шифоньером справятся. Огибать дом, чтобы войти с кухонного крыльца — то еще приключение: по одну сторону дома лужа, по другую — сиреневые деревья, вздыбившие дорожки корнями так, что я на своих троих там не проберусь. Вы не подумайте, там никакой экзотики не растет, и я ничего не путаю, просто нигде до появления в Дат-Кронен (так наша усадьба называется) я не видела настолько древней сирени, чтобы она из кустов в деревья превратилась. Так-то я даже не против, поскольку вся эта удрушающая красота цветет на уровне второго этажа, а мои комнаты как раз на первом. Будут мои еще день или два. В зависимости от того, сколько мне времени на сборы выделят. Хотя что там собирать. Надеюсь, пару платьев оставят. Главное, чтоб мой тайник под подоконником не нашли.

Двери счастливо разрешились бременем с приходом пристава. Тот побуравил комод глазами, достал финтифлюшку, пальцы кренделями изогнул и все сделалось. Даже комод тащить вручную не пришлось — сам до подводы долевитировал и сам же на место встал, только днище возмущенно хрупнуло. Я представила, как у них в пути все это добро посыплется, если транспортное средство окажется не таким устойчивым к нагрузкам.

О нагрузках говоря, мне пора бы уже и присесть. И так нагулялась выше головы. Колено от сырости разнелось, в ногах и в носу хлюпает, и я даже не соображу, где сильнее.

Пристав, оставшийся у входа, дежурно выразил соболезнования, когда я поднялась, сдержанно извинился за

